

Алексей Ахматов

**ГРЕМУЧЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА**

* * *

*За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей —
Я лишился и чаши на пире отцов
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степеней.
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.
Уведи меня в ночь, где течёт Енисей
И сосна до звезды достаёт,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт.*

О.М. Мандельштам (1931–1935)

Довольно гремучее стихотворение. Блестящие, как фантики, эпитеты, хлёсткие, экспрессивные образы, яркие обёртки. Но мне — читателю, обёртки мало. Я жажду внутреннего содержания. И тут выясняется, что в завёрнутом фантике почти ничего нет! Помните, как в детстве подсовывали такие пустышки своим приятелям. Было очень смешно. А здесь почему-то не очень. Не очень, потому что касается это стихотворение всей страны. Потому что его преподают в школах, и анализируют специально обученные дяди, которые прямо толкуют в рефератах, разбросанных по сети, полную чушь про экономический кризис 1930-х гг., борьбу за свободу и прочую, искажающую историю чушь. Но я сейчас даже не о политике. Я о поэзии.

Лирический герой лишился веселья и чести где? На пире отцов. Что это за пир такой? Первое, что приходит на ум — Матфей с притчей о брачном пире. Там чаши, и самого пира лишается человек, неподобающе одетый на брачном пире. Царь, т. е. Бог Отец, говорит ему: «...друг! как ты вошёл сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных» (Матф. 22: 1–14).

Возможны ли иные толкования? Отцы во множественном числе наводят на какие-то языческие трактовки. Возможно, пир отцов — это партийные съезды, чиновничьи привилегии, собрания Союза писателей СССР? Мандельштам, как известно, был официально включён в список видных советских литераторов, постоянно отдыхал в НКВДешных санаториях, дружил с высшими партийными руководителями. Их он называет отцами? Возможно. Он не встраивается до конца в это общество и в результате постепенно лишается гонораров, печатных площадей, литературных постов (весьма, надо сказать приличных). И вот с болью он пишет, что лишается чести за доблесть, т. е. ради доблести. Давайте вдумаемся. Он лишается своих моральных качеств за смелость, стойкость и решимость? Можно сделать допущение, что лишается не своей, как таковой чести, а чести в глазах пирующих. Но в тексте дана доблесть веков, а не доблесть автора, ибо по логике там должно было стоять «за доблесть в веках», а не «доблесть веков». Автор или его лирический герой пострадал за века и «за высокое племя людей». Прометей лишился печени за огонь, переданный людям; автор лишился чаши примерно за то же самое, видимо, — за отстаивание высокого звания человека.

Но ведь в притче, на которую опирается Осип Мандельштам, сказано, что «друг» молчал. Мандельштам не молчал, за что и лишается. Не стыкуется. Как он мог не учесть такого диссонанса? Не учитывает он его и дальше, поскольку, говоря, что его лишили чаши, т. е. изгнали, он сам тут же молит об изгнании в Сибирь. И тут начинается самое интересное. Лирический герой желает «в рукав жаркой шубы сибирских степей». В Сибири, конечно, есть степи, но образ жаркой шубы предполагает высокие, густые деревья, а не степные травы и кустарники. Мандельштам сам упоминает сосну, достающую до звезды. Наверное, где-то в Кулундинской степи и под Кустанаем есть маленькие островки сосновых боров (за тысячи километров от Енисея, кстати), но ведь это — стихи. Здесь всё работает на ассоциациях. Какие сосны до звёзд в степях? Такие сосны характерны для тайги.

И сосна до звезды достаёт, «быстрой ножкой ножку бьёт» — так и хочется дописать. Но дальше — больше. Ни с того, ни с сего автор поминает голубого песка. Не думаю, что для мастера составило бы труда найти рифму на малоупотребимый неологизм «грязца». Он даёт это животное весьма эффектно, что тоже оказывается очередной пустышкой. Ибо единственным местом, где обитает голубой песец, является остров Медный Командорского архипелага, между Беринговым морем и Тихим океаном. Да бог бы с ним, с голубым. Ни один песец, насколько мне известно, не проживает в степях. Их ареал обитания заканчивается даже не тайгой, а тундрой. Ау, где вы, сибирские степи!? В общем, картинка не клеится, дрожит, рассыпается. В степях нет песцов и сосен, в тайге нет степей и песцов, в среде обитания песцов нет достающих до звёзд сосен и степей.

Пафос последних двух строк выстрадан автором и подтверждён собственной судьбой. Однако, если вдуматься серьёзно, ведь Осип Эмильевич говорит о том, что его убьёт только равный! По большому счёту считается, что его убил Сталин. Это, конечно, очередной миф, но, прибегая к гиперболе, вполне можно сказать про народ, строй, идеологию, правоохранительную систему как про «коллективного Сталина». То есть автор сам провозглашает своё равенство с ним, ибо убить его может только *равный*. Ретивые отличители советской власти этого в своих анализах, как под копирку писанных для несчастных школьников, вообще не учитывают.

Что ж, вернёмся к стихам. Изгнанный просится в изгнание. Мне это напомнило диалог из фильма «Тот самый Мюнхгаузен»:

«— О чём это она?

— Барона кроет.

— И что говорит?

— Ясно что: подлец, говорит, псих ненормальный, врун несчастный.

— И чего хочет?

— Ясно чего: чтоб не бросал.

— Логично».

Куда просится — путается. И под конец равняет себя с Отцом (или Отца с собой), если мы правильно считали этот образ. Точнее, он-то как раз не равняет, говоря, что гонители (отцы?) ему не равня на основании формулы — убьёт только равный. Но сама жизнь эту формулу опровергает. А какая была обёртка. Жаль, внутри — только запах шоколада, который так любил Осип Эмильевич.